

ВЫСШИЙ СОВЕТ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.
ОТДЕЛ РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ.

Л. ТРОЦКИЙ,

X

ЕНИИ
р 591

**РЕЧЬ НА III ВСЕРОССИЙСКОМ С'ЕЗДЕ
СОВЕТОВ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.**

МОСКВА—1920.

1-924

К.

ЕН171
Р 591

(114-1229)

106314 31/30 с. 1.
28

Доклад т. Троцкого на объединенном заседании III съезда С. Н. Х. и московского Совета Раб. и Кр. Депутатов.

Товарищи! Картина, которую нарисовал перед нами Председатель В. С. Н. Х. *), ни в коем случае не может быть названа отрывной. И несомненно, что наши враги и внутри страны и особенно извне постараются широко использовать те цифры, те данные, которые с ожесточенностью, караваобразующей пошлостью и работу советской власти, здесь перед нами развил т. Рыков.

Не только открыто оплачиваемые представители капиталистических держав в западно-европейской печати, это советский режим разрушает и губит хозяйство, по этому же пути идут социал-демократы с их главой Каутским, который в предельной своей книге «Россия» развивают ту же самую мысль, что советский режим по сути своей несовместим с развитием хозяйства. Тут, товарищи, мы имели бы полное право для проверки этого утверждения произвести сравнительную оценку нашего хозяйства и хозяйства Западной Европы. Или оно свирепствует на несравненно более могущественную базу.

Что представляет собой хозяйство Германии? Оно представляет собою все возрастающий упадок. Германская угольная промышленность падает, шахты закрываются одна за другой, снабжение электричеством падает, заводы не выдерживают и незначительной доли заливок, оборудование устаревает быстрее и транспорт падает все более и более. Что сказать об Австрии, об этой стране тыла, шпиглы и асестрошней безысходности? Ее хозяйство разрушено в конце, улицы ее городов темнее, чем наши, трамвай остановился, железные дороги накануне полного разрушения, в каком случае не в лучшем положении чем наши.

А в странах-победительницах? В Франции вся северная часть, т. е. ее наиболее промышленно развитая, цветущая часть находится в состоянии полного распада и развала. Французская металлургия, французская текстильная промышленность, французская металлообрабатывающая промышленность, сахарный промышленность Стассонского района — все это разрушено, уничтожено, разбито до основания; свекловичные плантации северной Франции представляют собою теперь поля мерзости и заустыния, где поля совершенно разрушена на большую глубину тяжелыми орудиями и где земля, когда-то богатая, соединена с основным грунтом и с бесконечным количеством колючей проволоки. Конфискованные машины в поле, чтобы ему почва сделать способной произрастать.

Бельгия находится в состоянии полной аидоты. Там кризис транспорта, кроме нужного, достиг последней остроты; люди превращаются, по словам одного американца Вандерлиба, во видных животных: они вымирают в страхе за отсутствием пищи.

Таким образом мы видим факты, которые перерастают режим, которые коренятся в условиях многолетней войны, разрушавшей продукты труда при помощи других дорогих продуктов труда. Европейская культура изнашивается вдвойне, вырывая работяг из производства и заставляя производить только то, что нужно для разрушения продуктов вчерашнего труда. Так жила Европа годы и подорвала свое хозяйство. Названный мною деловой американец Вандерлиб, представитель фирмы Моргана, говорит о гибели Европы без помощи Америки и конста-

* В своем докладе III-му Съезду Советов.

тирует факт, который в высшей степени знаменителен для Европы и который открывает, наоборот, большой prospect для нас. Он говорит о том, что Европа охвачена трудовым параличом, что широкая волна всеобщей ленивости, всеобщей пассивности охватывает Европу. Да и как же иначе после нескольких лет чудовищного напряжения всех сил, после разбитых надежд, когда пролетариат Европы возвращается к старым капиталистическим стойлам, возвращается к колоссальной буржуазной эксплуатации, как он может найти новые источники энергии и силы, когда все охвачено состоянием паралича или, как выразился Вандерлиб, «волной необычайной ленивости»? И это не только отцы американца, страны которого—Америки—эта волна разрушения не охватила вполне. Такой же отзвук, хотя несколько прикритый, дает наиболее компетентный представитель французской промышленности. Я приведу красноречивые слова французского инженера Жуге. Вот картина, которую он рисует.

«Во время войны железные дороги совершали колоссальную работу. Восстановления в полном объеме не производилось; изнашивание не перерывалось, основной ремонт не совершался. Таким образом, во всех без исключения областях железнодорожный аппарат накоплял элементы расстройств. Личный персонал изнашивался, как и материальная часть. Притока свежих сил не было,—чтобы заполнить брешь, привлекали либо уже усвоенных служащих, либо из территориальных войск, т.-е. старшего возраста и без необходимой выучки. Кризис жел. дорог,—говорит Жуге,—в значительной мере кризис неопытности».

Таким образом мы наблюдаем факторы психического духовного подкоса истории под капиталистическую промышленность. У людей не хватает больше энергии, решимости, воли, охоты, способности тануть дальше армо капитализма. И этот представитель государственных жел. дорог инженер Жуге говорит то же самое, что американский наблюдатель. Тот говорит о волне «справительной ленивости», а этот говорит об усталости, об утомлении, о пассивности. Он изобретает меры и средства в своем дальнейшем докладе, как преодолеть эту волну, но мы с вами отдаем себе ясный отчет в том, что буржуазный мир Европы этой волне преодолеть не может. Буржуазия слишком много энергии, физической и моральной силы извлекала из рабочего класса в течение империалистической войны, слишком обманула его надежды и ожидания, чтобы ныне открыть еще новый источник потенциальной, подсудной энергии рабочего класса. Рабочий класс Европы только в тот час окажется способным найти в себе достаточно запасов творческой энергии, когда ответственность за козлыство Европы ляжет непосредственно на него.

Товарищи, все то, что было в Европе, у нас было в сугубой степени.

Тов. Рыков говорил нам здесь о том, как мы лишились в течение двух лет,—механически лишались, так как были отрезаны, важнейших областей нашего сырья и нашей индустрии. Мы были отрезаны от Польши с добровольским угольным районом, который, правда, платил, главным образом всю польскую промышленность; мы были отрезаны от нашего угля, который давал никак не меньше 90% нашего угля, если не считать доломбовского района и если не считать ввозного угля. Мы ввозили около полу миллиарда, на юге получали миллиард и три четверти.

Мы были отрезаны от источников нашей нефти, которые давали нам до шестисот миллионов пудов. Наша промышленность на две трети кормилась минеральным топливом, твердым и жидким. Сразу отрезать все это—значило из-под здания вырвать колоссальную часть его фундамента. Конечно, оно должно было потряться сверху до низу, и часть должна была обвалиться. Приходится поражаться, что это здание хотя бы на 20—30% живо и существует, что кое-какие колеса еще вращаются.

Мы были отрезаны от Туркестана с его хлопком. Наш транспорт кормился в значительной мере углем и нефтью. Наши жел. дороги призрали около полу миллиарда твердого и жидкого топлива в год. Почти сразу это было вырвано из наших рук. Можно-ли здесь объять

режим? Я не говорю об отдельных учреждениях В. С. Н. Х. или его органах, но режим в целом и всю советскую власть и политику, экспроприацию крупных предприятий, железных дорог? Здесь-ли источник зла? Товарищи, фабрика может быть капиталистической, единоличной, акционерной, может быть частью треста, может быть социализированной в переходный советский период, или может быть частью законченного коммунистического хозяйства, но если у нее отнять топливо, если у нее отнять сырье,—ее труба не будет дымиться, ее колеса не будут вращаться. Из тех цифр, которые перед нами развернул т. Рыков, делать вывод против советского режима, против перехода к коммунистическому хозяйству могут только приверженцы капитализма и шарлатаны, спекулирующие на темноте и на невежестве наиболее отсталой части рабочих масс.

Мы знаем, товарищи, из истории, что переход от одного хозяйственного строя к другому всегда сопровождается неисчислимыми жертвами, в том числе жертвами в области хозяйства. Человечество в силу своей косности и невежества вовсе не разнится по ступенкам на ступеньку вверх, правильно входя и делаясь все более и более мощным. Этого нет. Человек бредет вперед, спотыкаясь и падая, и иной раз падая гораздо ниже, чем стоял вчера, и пофыр только вновь поднимаясь. Человечество стояло долгое время на ступеньке рабства, прежде чем дошло до крепостного права. Оно стояло так, пока все это не было развалено волею варвара, которая смела старую рабскую культуру. Все это покупалось ценой разрушения, ценой гражданской войны. Французские рабочие, французские ремесленники были под конец французской революции гораздо беднее, чем в ее начале. Они восстали вследствие своей бедности и угнетения, но самая борьба, гражданская война и мировые войны, которые она вызвала, все это в совокупности еще больше увеличило бедность, но вместе с тем создало основы для увеличения богатства. И буржуазная Франция с ее могуществом, с ее аутистичной выросла из страданий, ужасов и бедности, отчаянной бедности, которая была порождена великой французской революцией.

Получается такое впечатление, что человечество, это растояное, консервативное неподвижное человечество, стоит на одной ступеньке и, когда ему нужно подняться выше, то эта ступенька, на которую он поднялся, проваливается под ним, и он одной ногой, а то и обеими, увязает глубже, чем вчера, и потом только начнет карабкаться вверх. Так и с нами и со всем европейским мировым хозяйством и его развитием.

Это, товарищи, опыт прошлого,—а мы обязаны теперь, чтобы не утратить перспектив и не потерять духа, отдать себе отчет в характере и смысле переходной эпохи, порождающей у нас новый фактор неопределенного значения—сознательного пролетария, члена гармонического социального общества, который чувствует себя ответственным за судьбы своей страны и своего хозяйства.

Воспитание работника-пролетария теперь происходит в бедствиях и нищете, которые являются продуктом переходной эпохи, войны, гражданских столкновений, наступлений, стремления к спекуляции, остатков буржуазных нажимов. Одно сочетается с другим в ужасающий кровавый узел, в петлю, которая готова нас задушить.

Но в этих условиях каждый рабочий, каждая работница приучаются оценивать хозяйство в целом, учатся понимать зависимость своей личной судьбы, своего очага, от тех паровозов, о которых вам говорил тов. Ломоносов, о которых вам говорил сегодня тов. Рыков. Каждый рабочий, каждая работница и подростки семей рабочих учатся понимать, что значит Туркестан для нашего нового объединенного хозяйства, что значит Донешкий бассейн.

И это новое воспитание сотен тысяч и миллионов, привлечение их внимания, их энергии, их воли к производству, к хозяйству, есть наше завтра и послезавтра. Это завоевание позволяет нам уже сегодня и в ближайшем завоевание, которое во всей своей силе должно сказаться только не спускаем рук перед этой страшной картиной «чуждого» у

разложения, а, наоборот, говорить себе, с полной и глубокой уверенностью, что мы справимся и с этим самым страшным и всеобъемлющим врагом.

Товарищи, ряд лет пройдет—трудно сейчас сказать сколько—пока будет установлено правильное взаимоотношение, согласованность между основными элементами производства. Тов. Рыков говорил, и это для нас, для марксистов, для представителей рабочего класса,—основная истина, что и сейчас наиболее важным и основным фактором и производством, и нашей политикой в производстве, является квалифицированная часть, головной отряд, авангард трудящихся масс. На этом квалифицированном авангарде рабочего класса строится советская власть. Он вынес на своих плечах революцию, он вынес на своих плечах армию, и выносит и сейчас, и он должен вынести и вынесет на своих плечах производство. Задача в области производства для квалифицированных рабочих будет тем более важна и сложна, что вопрос о нашем механическом оборудовании остается в основном открытым. Мы знаем, сколько у нас паровозов, здоровых и больных, причем здоровыми мы считаем и считаеме полубольные паровозы, которые упрямо идут запряжены вагоны. Мы знаем, что для того, чтобы число больных паровозов не превысило 50%, нам нужно отремонтировать 10%, а мы сегодня ремонтируем только 3%, и стало-быть процент 50 больных грозит все более возрастать. Но в отношении машинного оборудования нашей промышленности наши сведения не отличаются такой точностью, во-первых, потому, что мы получили промышленность не из рук государства, как одно централизованное целое,—такой был переход железных дорог,—а потому, что мы ее социализировали и объединяли из рук отдельных предпринимателей и, в лучшем случае, из рук капиталистических трестов, еще также и потому, что в области промышленности из-за отсутствия сырья, из-за отсутствия топлива, которое приходится в значительной мере теми же железными дорогами из наших скудных ресурсов, в области промышленности мы так низко спустились, что не приводим в движение, далеко не используем то материальное и механическое оборудование, которое имеется.

Нет сомнения, что за эти годы войны, революции, гражданских столкновений, эвакуаций и реквизиций наши машины, наша промышленная техника подверглась колоссальному износу, утере и механическому разрушению. Все это нужно брать на учет и, само собой разумеется, чем точнее хозяйственный план, чем он более охвачен одной централизованной мыслью, чем лучше распределены элементы нашей техники на важнейших для нас предприятиях, тем менее болезненно мы будем чувствовать наше техническое оскудение.

Но, поскольку Европа и Америка, которая, в первую голову, должна будет обслуживать Западную Европу, поскольку они в течение ближайших лет нам дадут несравненно большее количество машин, поскольку у нас машинное оборудование приходит в все более тяжелое состояние, поскольку основным рычагом нашего хозяйства является вдвойне и втройне рабочая сила, в первую голову квалифицированный промышленно-индустриальный пролетариат и затем широкие ресурсы сырьевой рабочей силы, из которой мы должны извлекать в дальнейшем все больше и больше квалифицированных элементов, путем их соответственной обработки и обучения. И затронут этот вопрос лишь в самых общих чертах.

Всем известно, что революция и гражданская война обращались к передовыми рабочими еще более хитро, бесспорнее, чем к сырьевым материалам и машинным оборудованием. В первых отрядах расногвардейцев из Питера и Москвы ушли лучшие металлурги, лучшие текстильщики, которые гибли на Дону, на Украине, во всех частях страны. В продотряды ушли лучшие квалифицированные рабочие. Когда развернулась наша гражданская война, наша красная армия начала великой пожирательницей передовых рабочих Петербурга, Москвы, Иваново-Вознесенска, Урала, всех районов и очагов нашей про-

замешательства. И тогда мы открывали для революции новые области и строили там советскую власть. туда немедленно стягивалось известное число передовых рабочих.

Наконец голод, квартирное неустройство и холод выгнали рабочих из промышленных центров в деревни, и не только в деревни, но и в ряды спекулянтов, в ряды паразитизма.

Таким образом происходило и происходит еще сейчас распыление рабочего класса, и здесь, товарищи, первый завет и первый зарок для нас—взять на точный учет всех квалифицированных и просто обученных рабочих, рассматривать их, как солдат промышленности, как охрану, опору, основу, творческую силу нашей советской страны, чтобы ни один не уплывал между пальцев, как это происходит сейчас, когда в индустрии числятся в профессиональных союзах 1.150.000 организованных рабочих, а на заводах соответственных категорий числятся только 850.000.

Вот уже улетка трехсот тысяч квалифицированных рабочих. Мы должны их разыскать, мы должны их организовать, учесть.

И прежде всего систему проведения трудовой повинности мы должны начать с того, что каждому квалифицированному, обученному рабочему мы должны вручить рабочую трудовую книжку.

Разумеется, товарищи, как здесь говорил тов. Рыков и как я сам само по себе, мы в течение ближайшего года не сделаем в области производства, стало быть, в области учета, мобилизации рабочих сил, не сделаем серьезного шага вперед, если мы не разрешим хотя бы частично, хотя бы постепенно продовольственного вопроса.

Но здесь именно возвращение богатейших в продовольственном отношении окраин открывает перед нами широкие перспективы.

Мы можем прокормить рабочих и рабочих и их семьи. Цифры говорят об этом своим красноречивым языком.

Накануне войны, в 1913 году, у нас было 900 миллионов пудов хлеба избытка над продовольственными потребностями страны. Если считать на каждого едока по 15 пудов в год—норма, о которой теперь русский рабочий класс не может и мечтать—только 15 пудов на каждого едока, то избыток—900 млн.

Вывозилось за границу до войны, за пятилетие, в среднем около 4 миллиарда пудов в год. Даже полутора миллиарда пудов в год вывоз почти не падал за 15 лет.

Стало быть нам нужно теперь из того избытка, который вывозился, конечно, из статистического избытка, ибо и тогда был подающий и умирающий, из этого избытка нужно собрать половину—900 миллионов, одну треть, одну четвертую часть, и мы будем обеспечены на ближайший продовольственный хозяйственный период.

Эта задача должна быть сейчас поставлена органами наркомпрода органами военного ведомства и всеми хозяйственными советскими учреждениями страны, как основная задача, как первейшая задача.

Как вчера мы ставили задачей оборону границы советской республики, так теперь должна быть поставлена задача добыть, сосредоточить, погрузить, перевезти достаточное количество хлеба, мяса, жиров, рыбы, чтобы обеспечить рабочий класс минимальным необходимым продовольственным пайком.

Как велика зависимость трудовой энергии от продовольствия, об этом не нужно больших теоретических выкладок. Мне один инженер, который руководит, главным образом, простыми строительными работами, говорил, что он на практике подсчитал, что при усилении пайка в два раза производительность труда соответственных рабочих увеличивается в три, в три с половиной раза.

При этом, разумеется,—колоссальная экономия на жилищах, на инструментах, на освещении и отоплении.

Словом, товарищи, нам нет надобности убеждать друг друга, что выгодно кормить рабочего человека. Нам нужно эту нашу задачу, как главнейшую задачу страны, поставить перед всеми органами, особенно на местах хлеботорговых органов. Мы это сделаем. Мы должны

отступать, и мы достигнем того, что 300 миллионов пудов хлеба и всего прочего, что нужно, должно быть и будет сосредоточено в главных промышленных районах. Мы создадим там продовольственные базы пролетариата, как создали продовольственные базы для Красной армии.

Но, товарищи, вопрос стоит не только об индустриальном пролетариате. Он стоит для нас и становится все шире и шире, как вопрос о привлечении сырой рабочей силы. Мы были лишены угля. Мы были лишены нефти. Мы теперь только вошли в область угля, но мы не взяли угля. Там только жалкие остатки того, чего не захватил Денкин, как на Урале и в томском горном округе жалкие остатки того, чего не захватил Колчак. Там у нас только продовольственные планы, которые, разумеется, мы будем выполнять, чем дальше, тем успешнее, но еще в течение ближайшего хозяйственного периода мы будем строить на полеве дров, пока не получим донецкого угля.

Стало быть, поставка дров, заготовка дров, торфа, сланцев является сейчас ближайшей задачей, требующей сосредоточения огромного количества рабочей силы, в большинстве простой, сырой, необученной рабочей силы, под ответственным/техническим руководством.

Товарищ Крижжаловский в очень интересной статье, которая была напечатана в «Правде», нарисовал картинку того, как мы можем всю страну отопить и осветить при помощи торфа. Но его выгладал, у нас торфяных богатств в три раза больше, если память мне не изменяет, чем лесных. Он доказывает, что наши торфяные болота могут нас освещать и отапливать 150 лет подряд. Мы с вами не так требовательны, мы удовлетворимся, если в течение пяти лет, пока мы не возьмем в руки Донецкий бассейн, Северный Кавказ, Башкирскую и амбскую нефть, если в течение этих пяти лет торф будет выполнять роль минерального топлива.

Разумеется, товарищи, здесь много технических неразрешенного. У наших техников есть свои группировки, свои, так сказать, фракции: имеются торфисты, сланцисты, в роде как в политике различные политические фракции, и нужно сказать, что это само по себе—уже первый шаг вперед, ибо наша задача состоит в том, чтобы политику развить в хозяйстве. И когда наше трудовое население будет делиться на группы, на фракции и союзы, поддерживающие торфистов, сланцистов, постройку определенных дорог и проч., когда мы забудем о меньшинствах, эсерах, монархистах, синдикалистах, и когда-нибудь проследителни и о большевиках, то, разумеется, это будет огромным шагом вперед и будет означать, что мы присутствуем при осуществлении аппарата хозяйственной власти коммунизма, что мы переходим к осуществлению коммунизма и что это захватывает за живое миллионы трудящихся масс.

Но, во всяком случае, кто бы ни был больше прав сейчас, торфисты или сланцисты, т.е. те, которые больше нажимают на торф, или те, которые придают большее значение сланцу, и там и здесь необходимо применение огромных масс некавалифицированного труда, главным образом, крестьянского труда.

В области квалифицированной рабочей силы решающая роль состоит за профессиональными союзами. Через них образуются хозяйственные объединения, через них получают и дальше будут получать лучше, точнее, шире, чем сейчас, необходимых работников.

Поскольку дело касается неквалифицированной, сырой рабочей силы, она может быть поднята только при помощи широких массовых мобилизаций, соответственно, разумеется, рассчитанных и приуроченных во времени и в пространстве.

Здесь мы встречаемся, прежде всего, с вопросом политическим. Мы должны будем мобилизовать для торфяных, для сланцевых работ, для восстановления ж. д. эту силу в таком объеме, в каком мы этого еще не делали. А в тоже время наша текстильная, металлургическая промышленности слишком мало еще дают крестьянину из того, что ему необходимо. И мы должны будем крестьянину снова сказать, что то, что мы от него требуем, это не есть одработок за землю, какую ему дала советская

революция, а это есть задаток под тот хлеб, под тот кофе, под тот чай и сахар, какой ему завтра даст наша обрабатывающая промышленность.

И настолько это в деревню проникло, настолько проникла общегосударственная советская мысль: руководимый передовыми рабочими наш крестьянин нас поймет, а наиболее косные или близкие к кулацким элементам крестьяне, которые будут упираться, разумеется, будут принуждены считаться с непреклонной потребностью советского хозяйства путем принуждения, путем применения военной силы, как это было в отношении военной повинности.

Разумеется, менее всего нас могут отшатнуть крики капиталистических критиков о том, что мы нарушаем капиталистический принцип свободы труда. Мы этих принципов не знаем.

При капитализме свобода труда означает для одних свободу эксплуатации труда, для других — свободу быть эксплуатируемыми.

Это мы разрушили, и наша советская конституция ясно и отчетливо говорит о том, что начало всеобщей трудовой повинности есть краеугольный камень в здании социалистического хозяйства. Наш кодекс труда кладет в свою основу принцип трудовой повинности. Но это пока еще только принцип.

На практике мы прибегали к трудовой повинности только от времени к времени, от случая к случаю, до сих пор без общего хозяйственно-го плана и без соответственного аппарата.

Но именно теперь, когда мы, правда, еще не завершили наших военных задач, мы ни в коем случае не будем требовать дальше для военного ведомства, для армии так много, как требовали до сих пор: требования армии будут уменьшаться со дня на день.

Теперь, когда все мысли должны быть направлены на разрешение хозяйственных нужд и когда в основу работ должен быть заложен правильный хозяйственный план, проведение трудовой повинности в жизнь становится нашей неотложнейшей задачей.

И та комиссия по трудовой повинности, которая была создана Советом Народных Комиссаров, так и поставила вопрос. Она предложила нашим хозяйственным ведомствам: Советам Н. Х., комиссариату путей, комиссариату земледелия, комиссариату продовольствия предоставлять свой годовой хозяйственный план в первом же издании в цифрах рабочей силы: сколько вам, В. С. Н. Х., в совокупности ваших главков и центров, сколько вам, наркомшуги, нужно в течение ближайшего хозяйственного периода рабочих, каких категорий, сколько неквалифицированной сырой рабочей силы, в каких частях страны и в какие время года (если это для сезонных работ). Эти ведомства — заказчики, потребители рабочей силы. Затем эти данные всех хозяйственных ведомств надо свести по-одному и согласовать и в обобщенном итоговом виде приурочить к отдельным районам страны. Должен быть орган, который эту работу мог бы выполнять в центре и на местах. Но прежде всего нужно еще установить о содержании работ этих органов.

Разумеется, туда должны входить профсоюзы, прямо или через комиссариат труда в лице его учетно-распределительного отдела — отсюда учета и распределения рабочей силы.

Поскольку дело касается квалифицированных рабочих, тут, как я говорил, первая основная задача выпадает профсоюзам. Только там, где методы профсоюза недостаточны, там необходим какой-то другой дополнительный аппарат и в частности — метод принуждения, ибо трудовая повинность предполагает, что государство имеет право сказать квалифицированному рабочему, который сидит в селе для каких-нибудь почтовых работ: «ты обязан отсюда сняться и отправиться в Сормо, во или на колмоменский завод, ибо ты там нужен».

Трудовая повинность означает, что квалифицированный рабочий, выходящий из рядов армии, должен со своей трудовой книжкой в руках отправиться туда, где его присутствие необходимо, во имя хозяйственного плана страны. Трудовая повинность предполагает право государства, рабочего государства, приказывать рабочему выйти из про-

мыслей кустарных, не говоря уже о паразитарных рядах спекуляций, и перейти в центральные государственные предприятия, которые без этих категорий рабочих не могут работать. Наконец, перевод рабочей силы из одного предприятия в другое, в зависимости от хозяйственного плана, от близости сырья и других экономических условий, опять-таки входит целиком в права централизованного социалистического хозяйства и представляющего его государства. Далее за этим следует мобилизация рабочей силы. Все это — на основе централизованного общегосударственного плана.

Трудности будут велики. Представленный план, разумеется, является еще черновым наброском, ибо составитель плана сами принуждены считаться с целым рядом неизвестных величин. Неизвестно, например, что даст нам Урал. Подсчитан план на 25% старей производительности для основных и на 33% для прокатного и других цехов более высокого ряда. Выполним ли этот план — неизвестно. Что даст нам Донская бассейны? Дорвемся ли мы до бакинской нефти, до Грозного? Есть множество неизвестных величин, которые вносят в хозяйственный план В. С. Н. Х. неопределенность, шаткость и расплывчатость наметаний. Это сказалось в недостаточной точности тех требований на рабочую силу, которые предъявил В. С. Н. Х.

Цифры эти будут проверяться на опыте, исправляться. Хороший хозяйственный план, план законченный, тов. Рязков сможет предъявить нам не сегодня, а опасаясь даже, что и не на другой год, — может быть, лишь через несколько лет. Но угешительно бесомненно то, что мы получаем возможность улучшить наш план, возможность иметь хороший централизованный хозяйственный план.

Как мобилизовать крестьянскую рабочую силу? Разумеется, мобилизационный план, приуроченный к хозяйственному плану, должен быть теснее приурочен к хозяйству самого крестьянина, т.е. он должен наносить ему наименьший ущерб. Крестьянин должен терять минимум времени на переоброску, на перевод его, как рабочей силы. Он должен быть мобилизован по возможности ближе к тем районам, где он работает. Он должен быть мобилизован, если это возможно, в такой период, когда его хозяйство меньше может без него обойтись.

Стало быть, здесь большая работа, большая задача по согласованию потребностей в рабочей силе, в районах общегосударственных, по возрастам, по полу, по сезонам и т. д.

Есть еще одна задача, которая сводится к районированию нашей промышленности. Нам нужно иметь мобилизационную карту, на которой должны быть нанесены центры и центры промышленной жизни — потребности рабочей силы.

Все это — практические задачи, в которых мы сейчас можем говорить лишь в общих чертах, и нужно создать орган, который разрешит бы эти задачи.

Комиссия по трудовой повинности пришла к выводу, что такой орган должен быть создан в виде главного комитета по трудовой повинности с непосредственным подчинением совету обороны. Совет обороны был великим всероссийским толчком в отношении наших военных задач и мобилизации других ведомств для помощи делу обороны. Совет обороны должен превратиться завтра или послезавтра к совет труда и обороны, но не для того, разумеется, чтобы замещать существующие органы. Руководство промышленностью должно остаться целиком в руках В. С. Н. Х. и его местных органов, руководство земледелием — в руках наркомзема и т. д. Но совет труда и обороны должен в дальнейшем производить такую же перекачку сил и средств энергии в хозяйственную работу, какую в последний период производил в области рабоче-крестьянской обороны. Вот почему главный комитет по трудовой повинности, который по своему значению должен состоять из представителей наркомтруда, т.е. его отдела учета и распределения рабочей силы, быть теснейшим образом связанным с профсоюзами, с народным комиссариатом внутренних дел, с народным комиссариатом

том по военным делам, в лице мобилизационного управления всероссийского главного штаба, должен состоять при совете обороны.

Привлечение военного ведомства к этой задаче слишком ясно, чтобы нуждаться в доказательствах. До сих пор опыт широкого учета населения под углом зрения мобилизации, главное же — опыт практической мобилизации с применением, где нужно, принуждения применялся только военным ведомством. Его аппарат необходимо использовать, причем сейчас трудно предпринять в деталях, как аппарат наркомтруда, отдел управления внутренних дел и мобилизационный аппарат военного ведомства сочетаются персонально и организационно. Но это сейчас второстепенное дело, которое будет разрешено на опыте.

На местах, в губерниях, городах и уездах должны быть созданы органы по этому же типу — из представителей отдела труда, отдела управления и военного комиссариата. Эта тройка организует местный комитет по трудовой повинности, в этот комитет должен будет проводить мобилизацию рабочей силы двойного типа: по нарядам центра и дня местных городов, губернии, уездов и т. д. Здесь опять-таки основная практическая задача состоит в том, чтобы согласовать потребность в рабочей силе на местах с нарядами центра, причем по общему плану наряды центра должны иметь первоочередное значение.

Таков в общих чертах тот аппарат трудовой повинности, который, под общим руководством совета обороны должен дать рабочую силу для ближайших хозяйственных планов наших производственных органов и в то же время должен на практике приучить крестьянскую массу к тому, что новый режим обязывает их известную часть своего труда, своих сил отдавать в виде орудия или в виде задания советскому государству, которое раньше или позже вернет их ему в виде продуктов городской культуры, в виде большего просвещения и т. д.

Без правильного аппарата, без учета сил для того, чтобы свое решение не оставить в области принципа, а проводить его в жизнь, — без такого правильного аппарата мы трудовую повинность в общегосударственном масштабе не проведем.

Товарищи! Это та область, где аппарат военного ведомства, его навыки, его привычки тесно соотносятся с хозяйственным аппаратом. По этому вопросу, по вопросу о привлечении военного ведомства и о применении его методов и приемов в области хозяйственной за последнее время было очень много разговоров и суждений. Да и как иначе? Мы стоим сейчас на пороге.

Как в области военной, так и во всех других областях идеи коллективной мысли передовых элементов рабочего класса — профсоюзов, партий, советских учреждений, — Высовнархоза, Губсовнархозов и Усовнархозов, — сложились, разумеется, не случайно. И каковы бы ни были их недостатки, — а недостатки у нас имеются во всех областях, — все же эти учреждения являются учреждениями, которые должны крепнуть и которые нельзя ни уничтожать, ни создавать рождением пера.

Мы подошли к перелому в том смысле, что учреждения должны теперь подблестить новыми силами, несравненно большим количеством рабочих, и должна быть проведена такая же или же еще большая мобилизация творческих сил для хозяйства, как мы это делали для армии. И здесь, несомненно, количество перейдет в качество.

Мобилизация тысяч пролетариев для армии перерождает армию. Возвращение из армии лучших работников, лучших организаторов, руководителей, обогатит в высшей степени нашу хозяйственную жизнь. Они внесут не только свой старый профессиональный опыт, свои старые познания, но и некоторый новый опыт, который имеется на уровне хозяйственных работников.

Если нам предстоит задача мобилизовать многие сотни тысяч и миллионы крестьян с одной стороны, а с другой стороны — мобилизовать в городах, то и организация: кто имеет больший опыт, кто сможет придать этим элементам правильную организацию, скоординировать их, связать дисциплиной, руководить ими? Кто имеет для этого большие возможности, чем те рабочие, которые были в свое время комиссарами пол-

ков, бригад и дивизий, которые руководили и вели в бой тысячи и десятки тысяч тех же крестьян? Огромное преимущество в этом у тех металлистов, у тех текстильщиков, которых вы нам дали на фронт. Огромное преимущество у них, потому что они там, на деле, в огне боев, пришли в соприкосновение с крестьянской массой, с этой вооруженной и организованной массой, в такое соприкосновение, в каком они не находились с нею раньше. Эту массу они видели в бою, в разном состоянии: видели при отступлении, видели, как она голодала по 2-е, по 3-е суток из-за расстройств транспорта, из-за нашего аппарата снабжения, видели, как она дезертировала, как наступала и героически боролась. Они разжигали в этой массе огонь социализма, огонь борьбы за рабочие идеалы. Они показывали ей твердую руку, когда она сопротивлялась и нарушала дисциплину. Эти рабочие, которые пробыли 1-2 года в рядах армии, ничего не забыли из того, чему они научились на фабриках и заводах. Они все это помнят и все это вам вернут с большими процентами,—они научились там многому новому, они научились в трудных условиях стоять впереди десятков и сотен тысяч ими организованных и ими ведомых в бой крестьянских масс.

И это они вынесут в хозяйство, они сумеют мобилизовать сотни тысяч и миллионы крестьян. Как они воевали против белогвардейцев, так они будут воевать против разрухи и против голода, работать по топливу, по добычаванию торфа, сланца, на строительных работах, на хлебных заготовках и т. д., и т. д. Этих работ без конца. На этом деле они развернут накопленный опыт, проверенный и обнаруженный на войне, развернут свои творческие и организаторские способности. Вот почему задача привлечения к хозяйственной жизни передовых рабочих, прошедших военную школу, является вопросом огромной важности.

Здесь было немало недоразумений. Когда вопрос об этом встал, то некоторые товарищи вообразили, что кто-то намерен во главе заводов и фабрик ставить военспецов. В газетах писали по недоразумению, что соберутся милитаризировать промышленность и хотят поставить во главе военных специалистов. Это—чистейшие пустяки. Ни одному серьезному человеку ничего подобного не придет в голову. Когда мы говорим о внесении военного духа в хозяйство, то первым и последним делом мы хотим через передовых рабочих, прошедших военную школу, внести туда не только умение руководить, управлять и взять в свои руки более отсталые крестьянские массы, но и внести через них туда нечто другое.

Товарищи! На фронте они прониклись большей ответственностью, большей точностью в исполнении и в такой острой форме, какая не наблюдается ни в какой другой области, ибо там от комиссара полка, от командира полка (а у нас немало рабочих, которые командуют бригадой, полком, дивизией), от его точности и твердости зависела непосредственно жизнь тысячи людей. Там они научились ценить порядок, ответственность, точность исполнения приказа, ценить и уважать время. И они помогут вам эти черты внести в хозяйственную жизнь.

Исполнение и точное исполнение—это важнейший принцип военного дела, который применим и к области хозяйства. Вообще к милитаризму мы не можем теперь так относиться, как относились к военной машине буржуазного классового государства. В милитаризме имеются две стороны. Даже в буржуазном милитаризме есть две стороны: во-первых, он является увековечивателем классового господства и насилия эксплуататоров над трудящимися: где в хозяйственной жизни существует помещик и крестьянин, капиталист и пролетарий, там в военной организации офицер, полковник и генерал—с одной стороны, и угнетенный солдат—с другой. Зависимость экономическая здесь получает сугубо варварский, заостренный характер, потому что армия создается для обороны. И все черты общества, положительные и отрицательные, находят свое отражение в организации армии. Даже более—они принимают в ней более законченный, ярко выраженный характер.

Армия эксплуатирует технику и стремится довести ее до высшего совершенства. Например, как мы ни были бедны, но под руковод-

отом тов. Рыковъ наша расстроенная промышленность дала максимум того, что она могла дать. Все вопросы во время войны ставятся остро. Мы можем обойтись без чая, сахара, спопо, но мы должны были доставлять патроны. Правда, были дни и месяцы, когда количество патронов было минимальное, когда эта отрасль была не налажена, но теперь у нас есть запасы, и Ллойд-Джордж и Клемансо могут не беспокоиться, — этот запасаец возрастает.

Война — суровое ремесло, где всякая ошибка оплачивается гибелью тысяч людей, а иногда и гибелью государства. Там сплоченность и точность доведены до высшего напряжения. Некоторые товарищи говорят, что там все направлено на разрушение. Это — грубейшая ошибка. Если возьмем капитализм, то вы увидите, как он ценит администраторов, прошедших военную школу. Кто знает лучшую железнодорожную организацию в Германии? Те, кто прошли военную выучку — унтер-офицеры и офицеры. Все государства ценят военную прессировку, которую милитаризм дает работающим на разных ступенях. Сормоветский рабочий, который был комиссаром и вернулся за завод для управления или чтобы работать там мастером, разумеется, внесет не разруху, а создаст возможность внести туда элементы точности, исполнительности и ответственности, свойственных военному делу. И задача коммунистического дела — сблизить наше хозяйство с военной силой.

Военное ведомство должно равняться по хозяйству. Там, где районы промышленности, будут и военные округа. Мы будем постепенно, по мере того, как фронты будут сокращаться, переходить к милиционной системе.

Что такое милиционная система? Это значит, что в полк, в бригаду, в дивизию входит население данного района так, как оно живет, — трудящейся артелью, кулом. Будут готовые кадры, будет готовый командный состав. Из кого? Наша задача должна состоять в том, чтобы командиром был наш красный мастер, новый инженер, члены правления заводов и фабрик, чтобы они были нашими полковниками, дивизионными командирами, генералами, нашими батальонными и ротными командирами. Нам нужно наши офицерские курсы расположить в районах главных очагов промышленности, чтобы каждый слушатель таких курсов мог превратиться в офицера и руководить промышленностью данного района.

Периферия крестьян должна подпадать под единое руководство промышленных центров культуры. И, таким образом, данный округ, с заводами в центре, явится в то же время и промышленным, и милиционным округом, и милиционной дивизией. И по мере того, как наша армия будет приспособляться к хозяйственной жизни, наша хозяйственная жизнь будет впитывать в себя те элементы милитаризма, которые являются жизненными — точность исполнения, отношение к хозяйственным приказам, как к боевым приказам. А это нам необходимо до последней степени, потому что нам в хозяйственной жизни не менее грозит гибель, если мы не примем таких мер.

Есть, товарищи, наконец, третий путь, на который мы натолкнулись самой жизнью, третий путь сближения армии с трудом. Это — превращение военных частей и целых армий в трудовые ядра и в трудовые армии.

Какие-нибудь недели две тому назад революционный военный совет 3-ей армии обратился к совету обороны с предложением опереться на эту армию, закончившую свою боевую задачу по крайней мере в ближайшее время, и превратить ее в трудовую, не разрушая ее связи, ее военного опыта. После обсуждения военных и хозяйственных органов, это предложение было утверждено советом обороны с теми изменениями, какие были сочтены необходимыми.

В чем основной смысл превращения наших военных армий в трудовые? Мы в известных районах имеем армии, которые выполняли свои боевые задачи и которые, конечно, могли бы податься для военных задач в других районах. Но мы не можем их перебросить в короткий срок из-за расстройств нашего транспорта. Можем ли мы их

демонстрировать, распухать? Ни в каком случае. Если мы чему-либо заслужили в гражданской войне этих двух лет, так это—осторожности. Мы не имеем права считать, что военная задача закончена.

Да, мы взяли в плен Колчака и он сидит в Иркутской тюрьме, с которой многие из нас знакомы не только по наслышке. Но на востоке от Иркутска имеются чехо-словаки, которые держат себя двухкомандно, имеются также японцы. Мы разбили Деникина и он, поворот, сидит на пароходе, но на помощь ему пришла или идет в Черное море англо-французская флотилия, чтобы держать, пойдя к нам, под обстрелом наши города до тех пор, пока остатки денikinских банд не загружаются на пароходы для эмиграции из России. В то же время газеты европейской буржуазии, ее радио говорят, опровергают и снова говорят о том, что на Кавказ направляется английская армия в 200 тысяч человек. Мало верится, но не исключены возможности, что английский капитал попробует это.

Еще недавно представители грузинского правительства меньшевики и армянского азербейджанского правительства со шпилькой в руке стояли перед Клемансо и Ллойд-Джорджем и просили военной помощи. Там им ответили: «Мы вам поможем точно так же, как помогли Деникину». Классический ответ! Превосходная, хотя и бессознательная ирония! Но орудия и пулеметы им даны не иронические, а металлические, и как будет вопрос стоять на северном Кавказе, где еще не добыты банды Деникина, мы не знаем.

Мы твердо уверены, что преодолеем сопротивление в короткий срок—до весны, но мы, конечно, не имеем права разоружиться, не имеем права отпустить домой из одного солдата. И это, товарищи, теперь, в виду наших больших побед, каждый из нас, представителей с мест, должен ясно и точно сказать у себя на местах.

Пока у нас нет полной и безусловной гарантии неприкосновенности границ советской России, пока мировая политика качается и грозит нам новыми неожиданностями, мы не имеем права приступить к демобилизации. Мы можем, держа армией под ружьем, применять ее частью в большем или меньшем количестве, в зависимости от условий, для хозяйственных задач, мы можем извлекать из нее работников, наиболее для нас ценных в хозяйственном смысле, сотнями, тысячами откомандировывать их для нужд хозяйства с тем, что, если нам понадобится, мы немедленно бросим их на фронт. В таком положении находится 3-я армия. Эта армия свою военную задачу закончила. У нее (теперь эту цифру я могу назвать) не меньше, чем 150 тысяч человек. В этой армии 7 тысяч коммунистов, 9 тысяч сочувствующих. Значит, из 10 красноармейцев приходится 1 коммунист или сочувствующий. Такая армия—армия высоко сознательная, и немудрено, если она сама поставила вопрос о том, что раз ей нельзя дать боевой задачи, то возможно применить ее для трудовых задач в том районе, где она размещена.

Каковы же условия этого трудового применения? Они вытекают из совокупности обстоятельств. Во-первых, мы должны сохранить в целостности аппарат армии, мы должны держать ее, как армию, на военном положении. Она не должна раздвигаться по частям, распыляться. В смысле трудовой повинности ей должны быть поставлены ясные и простые задачи. Конечно, армия не может руководить машиностроительными заводами или текстильной фабрикой. Армия не может руководить движением жел. дор. или ремонтом паровозов, но она может совершать, как армия, большие работы, требующие применения массовой силы: рубка и подвоз дров, добыча торфа, извлечение хлеба по продовольственной разветвке и подвоз его к соответствующим путям, чистка путей от снега и т. д.—в зависимости от районного расположения армии и ее отдельных частей.

Далее, поскольку она, как армия, выполняет эти хозяйственные работы массового характера или подсобные работы отдельных заводов и фабрик, она должна получать руководство от тех организаций, которые этими районами и фабриками, этими районами в хозяйственном смысле руководят. Другими словами, эта армия может входить в

область промышленности лишь постольку, поскольку ее к этому призывает Губсовнархоз или районный представитель В. С. Н. Х. или сам В. С. Н. Х.

В область работы земледельческой она вторгается своей силой лишь по требованию наркомзема и под руководством его представителей. Не может быть никакого нарушения централизованных общегосударственных хозяйственных планов или местных районных и губернских планов. Армия помогает, она дает свою силу, но руководят ею те органы, которые к этому призваны по советской конституции.

Дальнейшим условием применения армии является удержание продовольственного положения красноармейцев, которые работают здесь, и местных рабочих. Если рабочий мог временно мириться с тем, что рядом с ним имеется армия, которая кормится лучше его, потому что в боевой обстановке эта армия терпит ужасающие лишения: не ест по два и по три дня, вымирает от тифа еще более, чем вымирают наши голодающие рабочие, то в трудовой обстановке ничем нельзя оправдать того, чтобы красноармеец-рабочий кормился лучше, чем рядом с ним живущие уральские рабочие. Поэтому на 3-ю армию возложена задача, под руководством представителя наркомхоза, в районе ее расположения (а это огромный район) обеспечить всех уральских пролетариев пайком не ниже красноармейского.*

Само собой разумеется, что задачей местных профсоюзов и политических советских организаций является с самого начала войти в теснейший контакт, в теснейшую связь с этой армией для того, чтобы никакой отчужденности между военной организацией и организацией трудовой не оставалось в дальнейшем.

Доклады, какие товарищи посылают нам оттуда, свидетельствуют, что они себе в своих задачах отдают совершенно ясный отчет. Там духа солдатовства, духа отчужденности и противопоставления себя пролетарской среде нет и не может быть и в помине, ибо во главе этой армии стоят те же рабочие. Одним из руководителей ее является товарищ Локатосов, уральский пролетарий, популярный на Урале товарищ.

В организации армии, конечно, приходится делать изменения, приспособляя ее к потребности труда. Я вам прочтано выдержку из одного донесения, которое характеризует организационный подход к делу. Вот что сообщают тов. Давыдов и Локатосов:

«УРАЛЬСК, 19 января. На вашу телеграмму сообщаем: содействие армейского аппарата сельскохозяйственной кампании в области даст не только громадное увеличение площади засева, но лишь при наличии такого содействия разрушенные здесь хозяйства смогут вновь приступить к производительной работе. Наличие значительного запаса машины в области, требующих ремонта, диктует настоятельную необходимость направить все силы к приведению их в порядок и дать все освоенные с их помощью обработать, промаданные участки земли. Вместе с тем необходимо исчерпать все возможности к увеличению производственных жел. дороги Покровск—Уральск, где на станциях, в районе Агитова—Ершово, под открытым небом сложены миллионы пудов хлеба, невывезенные в амбарах. Состоявшееся сегодня совещание ответственных работников армии укрепленного района, с представителями областских советских и партийных организаций: райкома, комитета партии, земледела, Совнархоза, профсоюзов, обиродкома, железнодорожников и проч., наметило план работы и дало задания заведующим отдельными отраслями народного хозяйства, главным образом, земледелию и Совнархозу, в ближайшие дни представить дифференцированные учеты потребностей живой силы и технических средств, необходимых немедленно при данной обстановке для поднятия производительности основных отраслей хозяйства.»

Начальником штаба армии назначается рабочий с большим и всесторонним хозяйственным опытом. Таковой имеет и бывший начальник штаба, офицер генерального штаба, который дается ему как помощник. Как только армия перейдет на военное положение, снова произойдет, разумеется, изменение, и бывший начальник штаба займет свой

дост. Оперативное отделение переименовывается в оперативно-трудовое. Оно ведет, как и раньше, исполнением и подготовкой оперативно-трудовых приказов и составлением трудовых сводок. Если раньше это оперативное управление, передавало приказы: «связать такую-то деревню, в таком-то направлении продвинуться на столько-то верст вперед», то теперь через это управление будут идти приказы трудовые: «на таком-то участке заготовить столько-то кубов дров». Сводки будут составляться здесь же; во главе ставится опять рабочий с хозяйственным опытом.

Вы представите, товарищи, каким колоссальным преимуществом у этой организации является ее налаженная централизованная, телеграфная и телефонная связь. Каждый полк имеет свое телефонное имущество, натягивает свою нить, устанавливает связь со штабом бригады, через штаб бригады со штабом дивизии, с армейским штабом, и вы имеете таким образом большое количество трудовых рабочих артелей, разбросанных на огромном пространстве, привыкших точно подчиняться приказам, получающих приказы по определенным линиям и дающих отчет об исполнении в тот же день.

Вместо разведывательного отдела организовано учетно-статистическое, сохраняя и приспособляя наличный состав к этой работе. Отдел связи, о котором я только что говорил, сохраняется в том же виде. Ему предстоит колоссальная работа связать все работающие части и учреждения со штабом так, чтобы результаты работы ежедневно к 22 часам были известны штабу. Далее, при совете трудовой армии организуется научно-технический отдел для разработки обще-хозяйственных планов. Вышние начальники отделов и отделений штаба и всех вообще армейских управлений там, где это необходимо, переименовываются в военруков, помощников по военной части, ибо красная армия, как военный организм, не распускается. Начальниками отделов и отделений назначаются уже испробованные рабочие-коммунисты с соответственной хозяйственной подготовкой; таковые уже имеются.

Дополнение замечается словами, что «все это дает надежду на то, что эта первая армия действительно превратится в советскую армию труда». У меня имеется их первая трудовая сводка, которая говорит о количестве заготовленных кубов дров, о подвешенных кубках дров, о том, сколько противников откомандировано в копи, о том, что занимаются ремонтом паровозов и т. д. и т. д.

Разумеется, все это пока только начало. Многое здесь окажется неправильным, многое здесь будет фантастическим и отброшено; много лишнего, что будет исправлено. Но самая основа не может быть лишней или неправильной, потому что это—та же самая основа, которая имеется во всем нашем советском строительстве.

Мы здесь имеем несколько тысяч уральских и других рабочих, которые стоят во главе армии. Мы имеем несколько десятков тысяч крестьян разных степеней сознательности, которыми руководят эти фронтовые рабочие. Что это такое? Это—маленькое отражение всей нашей советской России, это маленькое отражение всей нашей хозяйственной жизни в целом, состоящей из миллионов рабочих и миллионов крестьян, а руководящий аппарат состоит из наиболее сознательной части крестьян и подавляющего большинства городских рабочих.

Почему же этому организму не быть жизненным, если жизненна вся наша советская Россия?

Вот почему мы после того, как был проделан этот первый опыт, сейчас же перенесли его на ряд других. Запасная армия уже приспособлена к работам в области транспорта. Постановлением совета рабоче-крестьянской обороны рабочая армия, формировавшая подкрепления и пополнения для наших фронтов, армия с очень хорошим аппаратом управления, со штабом в Казани, целиком передана наркомату для оборудования Московско-Казанской и Екатеринбургско-Казанской жел. дорог.

На такое же положение переведена третья армия—третья по счету, а четвертая по суммарам. Эта армия, которая давалась по линии

реки Урала, выполнила свою боевую задачу и ей поставлена советом обороны задача оказывать содействие комитету государственных сооружений и наркомпути в деле скорейшего проведения железной дороги Александров-Гай—Эмба для вывоза нефти. Мало того, Уральская область, где гражданская война имела особо жестокий характер, опустошена, разорена и лишена рабочей силы, необходимой для с.-х. работ. По соглашению с народным комиссаром земледелия тов. Середой мы послали туда запрос относительно возможности использования силы и средств четвертой армии для ремонта с.-х. орудий и машин, а весной—для участия в обработке земель.

Вот, товарищи, новая область, новый опыт, пока только опыт, применения живой силы армии, ее инвентари для хозяйственных, в данном случае с.-х., задач.

Совет обороны уже утвердил образование трудовой армии на Украине по соглашению с украинским ревкомом. Намечено образование трудовой армии на северном Кавказе, и это образование станет особенно неотложным тогда, когда мы подойдем к нефтяным источникам Грозного.

На севере у нас заключено перемирие, которое, мы надеемся, приведет к миру с Эстонией. Там стоит 7-я армия. Это—район, богатый горфом и сланцами. Там в принципе решено использовать силы 7-й армии, которую мы не можем демобилизовать, не можем распустить, ибо Финляндия еще бряцает оружием и еще мы не знаем, что будет завтра с Эстонией и Латвией. Мы можем, однако, и должны живую силу 7-й армии применить для торфяных и сланцевых работ.

Вот один из путей использования живой человеческой, организованной, уже мобилизованной силы, главным образом, на наших окраинах, столь богатых сырьем. Если там они это сырье поднимут, сосредотчат к железнодорожным узлам, если они помогут с наших рельсовых путей очистить снег, приведут в более энергичное движение наши железные дороги и направят нам сюда, в центр, в главные очаги хозяйства, хлеб и дрова, то поток крови по жилам советского хозяйства притечет к сердцу, и оно забьется правильнее, крепче, энергичнее. Хозяйственный организм оживет.

Поэтому было бы совершенно непростительно отнестись без внимания, без необходимой поддержки к этому первому опыту, имеющему огромное принципиальное и материально-хозяйственное значение—к опыту применения наших армий для хозяйственных задач. Раз нам нужно переходить к трудовой повинности в широком масштабе, использовать сотни тысяч и миллионы крепких для хозяйственных нужд, мы их не сможем мобилизовать через профессиональные союзы. Их можно будет мобилизовать только или преимущественно при применении военных методов. Их придется организовать в трудовые организации, придется придать организационно, близкую к военной—трудовые команды, рабочие роты, рабочие батальоны. Поскольку там мы будем иметь массы, еще не прошедшие выучки профсоюзов, придется делать организации преимущественно военными. Мы имеем такие организации уже в лице наших армий. Стало быть, их нужно использовать, приспособить к хозяйственным задачам. Это и делается сейчас.

Применение трудовых армий, по мнению либеральных болтунов, может вызвать арачьевщину. Мы в правь вполне отбросить эту болтовню. Мы говорим, что передовые слои рабочего класса взяли в свои руки управление страной и они имеют право навязать наиболее отсталым частям трудящихся масс принудительный закон трудовой повинности, ибо завтра, послезавтра, когда окажутся плоды, крестьянство, самые отсталые его части поймут, а лучшая часть крестьянства понимает и теперь, что эта трудовая повинность была необходимым законом.

Вот в каком смысле, товарищи, мы говорим о министерствах хозяйства, вот в каком смысле о ней можно говорить. Об этом нельзя говорить, как о принудительности закона, как об антинародном насилии. Это—жесткая смежная фактажа.

Кто может внести в трудящиеся массы сознание этой необходимости? Только передовые слои рабочего класса, т.е. в первую голову индустриальный пролетариат. Если возьмем в первую голову нашу боевую армию, которая сражается и умирает на фронтах, то посмотрите, кто ее создал, кто в нее внес дисциплину, привнес ответственность и властное слово приказа? Организуют это не отдельные вожаки, среди которых есть много прекрасных работников. Нет, все эти черты подлинной милитаризации рабочих и крестьян в виде красной армии внесены были и вносятся сейчас передовыми слоями рабочих Москвы, Петербурга и всей России.

Как мы поступили для создания красной армии? Она была значительна партизанскими отрядами или сборищами сырых рабочих сил, а мы милитаризовали рабочих, мы собирали рабочих на собрания и говорили им: «Мы стоим перед опасностью, близкой к гибели. От нас, передовых рабочих, зависит внести в эти массы сознание готовности умереть или победить». Эти передовые рабочие, актилизовавшие сами себя, милитаризовали крестьян и повели их в бой.

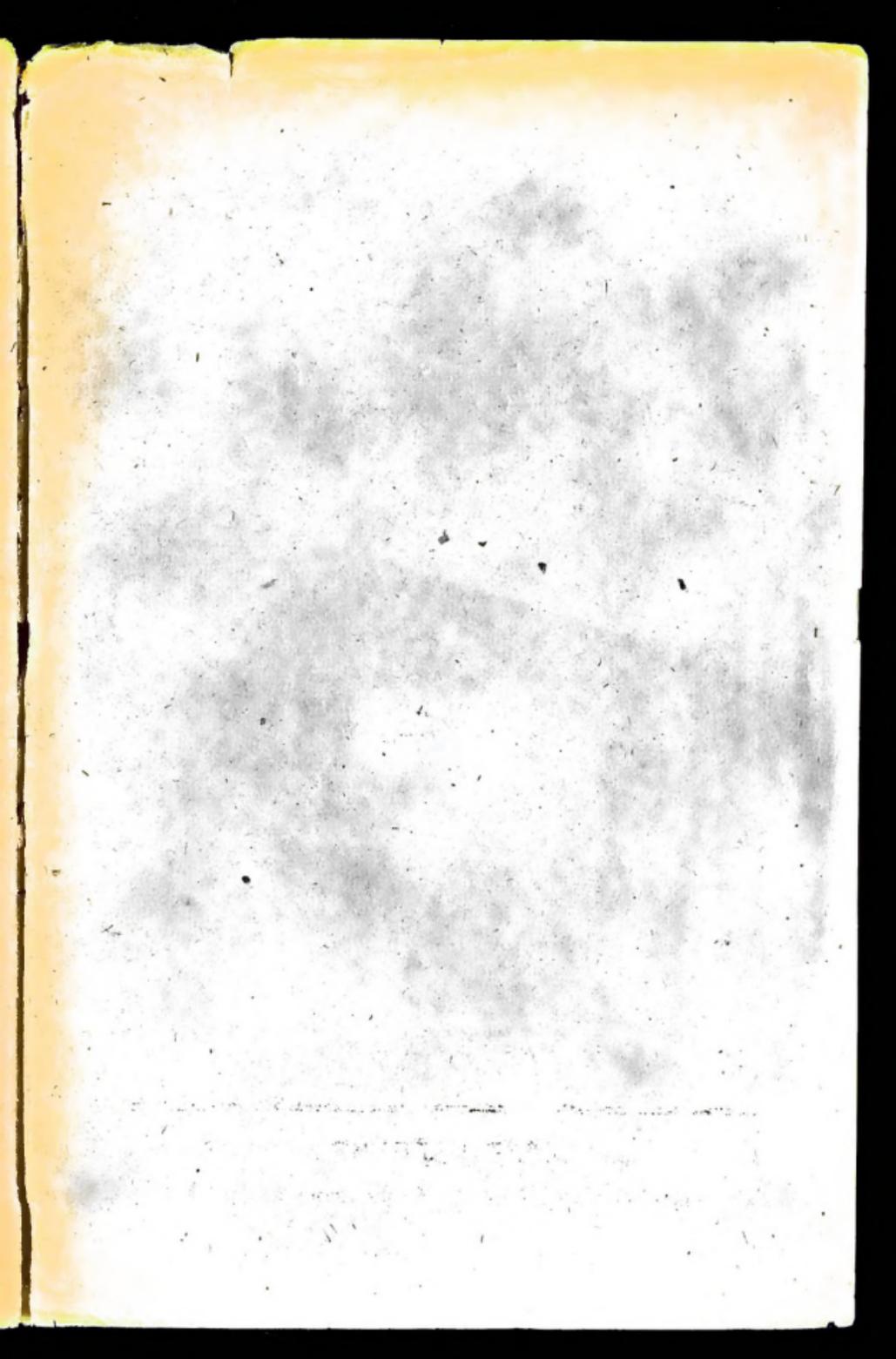
Такая же задача у передовых рабочих стоит по отношению ко всему хозяйству, по отношению ко всей трудовой повинности. Нам нужно сказать прежде всего передовым рабочим, что на хозяйственном фронте, на экономическом фронте нам сейчас грозит самая страшная опасность, более грозная, чем та, которая грозила нам, когда Деникин был севернее Орла, когда Юденич подходил к Пулковским высотам Петрограда. Здесь опасность страшная, ибо она всеобъемлюща, но мы, товарищи, отличаемся от французских и бельгийских рабочих тем, что они еще — рабы капитала, а мы сами отвечаем за свои судьбы. Мы имеем возможность и должны пойти в недрах рабочего класса подступную энергию, извлечь ее наружу, привести в движение, милитаризовать себя и более отсталые массы. В настоящее время точность, исполнительность, страдаящая ответственность до конца в бою, как и в малом, должны проводиться в рабочих массах в самой страшной мере.

Мы должны поставить вопросы хозяйства в центре. Каждый отсталый работник или работница-крестьянка должны знать об этом. Мы должны три четверти, девять десятых столбцов своих газет отводить вопросам хозяйства. Каждый гражданин страны, передовой или отсталый, должен знать, что у нас есть. Сормовский, Коломенский заводы, такие-то и такие-то текстильные фабрики, что они производят, что они лучше производили в апреле, чем в марте и в феврале. Мы должны следить за тем, чтобы у нас были заводы любимые, где пульс работ бьется как следует. Должны быть заводы, которые чувствуют себя живыми во мнении всей советской страны, ибо в них напряженность и производительность труда ниже, чем в других заводах. Каждый Новый паровоз, выходящий с паровозостроительного завода, должен быть отныне новым советским праздником, об этом каждый работник и крестьянка должны знать, что это их паровоз. За ремонт паровозов мы должны следить так, как мы следим за пульсом дорогого нам большого брата, сестры или жены.

И если передовые рабочие всей страны все свои мысли, всю свою волю, всю свою революционную страсть вложат в дело хозяйства, как они вложили ее в дело армии, то я не сомневаюсь, что мы выведем Россию на боковую новую дорогу на поспраждение врага и на радость друзьям.

Искренне А. Н. Лукин

1002144

1р.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Ред.-Изд. Отд. В. С. Н. Х. Нузнецкий пер, 3.